

М. И. Богачев

К вопросу о формировании интегрального подхода к концептуализации религиозности

Статья посвящена проблеме определения содержания термина «религиозность». Автор рассматривает западные и российские подходы к концептуализации религиозности и предлагает компромиссный вариант — сочетание иерархического подхода с постклассическим.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозность, социология религии, российское общество, концептуализация.

Мы разделились на два лагеря. Один утверждал, что прежде чем появились яблоки, существовало некое изначальное Яблоко, прежде чем были попугаи, был изначальный Попугай, прежде чем развелись распутные чревоугодники-монахи, был Монах, было Распутство, было Чревоугодие, прежде чем появились в этом мире ноги и зады — Пинок коленом в зад уже существовал предвечно в лоне божием. Другой лагерь, напротив, утверждал, что яблоки внушили человеку понятие яблока, попугаи — понятие попугая, монахи — понятие монахов, чревоугодия и распутства и что пинок в зад начал существовать только после того, как его надлежащим образом дали и получили. Спорщики распалялись, и дело доходило до рукопашной. Я принадлежал ко второму лагерю, ибо он более соответствовал складу моего ума, и впоследствии не случайно был осужден на Суассонском соборе.

Восстание ангелов. А. Франс

Введение

В социальных науках часто складывается ситуация, когда в академическом сообществе отсутствует общепринятое понимание ключевого для дисциплины термина. Данная коллизия присутствует и в сфере социологии религии / религиоведения, где понятие «религиозность» не имеет устоявшегося определения. Как было

отмечено в докладе М. Ю. Смирнова «Религия без религиозности: полемическое рассуждение на теоретическую тему» на последнем семинаре Исследовательского комитета «Социология религии» Российского общества социологов, «современный религиозный дискурс, признавая неполноту объяснения этих понятий (религия и религиозность. — М. Б.), не делает ничего лучше, чем просто заменяет одни дефиниции на другие, не наполняя понятие и продолжая движение вокруг устоявшихся стереотипных трактовок и формулировок» [*Социальная теория*], [*Смирнов. Возможно*]. Необходимо признать, что на сегодняшний день проблематика границ и содержания дефиниции «религиозность» стала своеобразным полем для бравады исследователей, так и норовящих войти в историю, благодаря своей интерпретации данного феномена (высоковероятно, что данная работа лишь подтверждает этот тезис). Однако подобный мотив поведения (столь близкий творческим натурам) в большей степени ухудшает положение дел в академической дисциплине, нежели порождает дух здорового соревнования, стимулирующий производство новых знаний.

Приведем лишь некоторые наиболее популярные в российском академическом сообществе интерпретации религиозности. Так, И. Н. Яблоков считает, что религиозность есть «качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений. Общим признаком, критерием религиозного сознания является вера, которая включает знание и принятие в качестве истинных идей, представлений, понятий, повествований и уверенность в существовании гипостазированных существ, атрибутизированных свойств и связей» [Яблоков].

Д. М. Угринович под термином «религиозность» понимает «воздействие религии на сознание и поведение как отдельных индивидов, так и социальных и демографических групп» [Угринович, 127].

С точки зрения Р. А. Лопаткина, «под религиозностью понимается определенное состояние индивидов и человеческих общностей различного масштаба, отличительной чертой которого является вера в Бога (и сверхъестественное) и поклонение ему, их приверженность к религии и принятие ее вероучения и предписаний» [*Государственно-церковные*, 194].

С. Д. Лебедев религиозность понимает как «наличие социально релевантной веры в сверхъестественный Субъект и поклонение ему как священному» [Лебедев. *Религиозность: в поисках*], а социологически релевантным критерием религиозности человека считает «религиозную культуру, укоренившуюся в его со-

знании и имеющую существенное реальное либо потенциальное влияние на его образ мыслей и образ жизни» [Лебедев. *Религиозность: в поисках*].

М. Ю. Смирнов трактует религиозность как «специфическое состояние сознания и поведения индивидов, при котором взгляды на мир в целом, отношение к окружающему и мотивация жизненных действий основаны на религиозной вере» [Смирнов].

В определении П. Бергера религиозность «включает в себя набор установок, верований и действий, связанных с двумя типами опыта — опытом сверхъестественного и опытом священного» [Бергер, 346].

Если попытаться обобщить различные интерпретации религиозности на понятийном уровне, то системообразующим элементом данного феномена является вера в существование Бога / сверхъестественной силы / высшей силы; убежденность в том, что сверхъестественное может повлиять на жизнь человека и что со сверхъестественным можно взаимодействовать. Однако трудности с определением религиозности фиксируются не только на уровне денотата (формы, объема), но и на уровне коннотата (содержания, смысла).

Западная традиция

Во второй половине XX в. в западной науке развернулась дискуссия о том, является ли религиозность одномерным или многомерным явлением. Можно ли судить о религиозности лишь по одному (единственному) ее измерению или же необходимо изучать различные оси и проекции этого феномена?

Так, Г. Олпорт предложил одномерную дихотомическую шкалу «внутренняя — внешняя» религиозность (религия как цель — религия как средство) [Allport]. Д. Батсон модернизировал шкалу Г. Олпорта, превратив ее в тринитарный индекс. Ученый доказал независимость измерений «религии как цели» и «религии как средства» и дополнил индекс религиозности «религией как поиском» [Batson. *Schoenrade*]. Ч. Глок, в свою очередь, описал религиозность уже через пять измерений — религиозный опыт, религиозные практики (ритуалы), принятие системы верований, знания о вероучении, результирующее влияние (последствия) четырех элементов на повседневный образ жизни [Glock. *On the Study*]. Исследования в области построения шкал религиозности как многомерного понятия продолжили Ё. Фукуяма [Fukuyama], Дж. Фолкнер и Г. де Йонг

[*Faulkner, de Jong*], [*Фолкнер, де Йонг*], Р. Старк в соавторстве с Ч. Глоком [*Glock, Stark. Religion*]. Дж. Фихтер дополнил глоковскую систему измерений религиозности социальной составляющей — «вовлеченностью в религиозную общину / общением с членами общины». М. Кинг и Р. Хант предложили уже десять измерений религиозности (семь «базовых» и три «составных» шкалы) [*King, Hunt*]. Ученые множили количество измерений религиозности и усложняли их операционализацию (в некоторых исследованиях применялось более 500 показателей) [*Dimensions*].

Тенденции к доминированию представления о религиозности как о многомерном явлении и увеличению числа ее измерений (усложнению ее операционализации) привели к активным научным поискам в противоположном направлении. Так, Р. Старк и Ч. Глок [*Glock, Stark. American Piety*] пересмотрели «традиционное» глоковское пятиэлементное измерение религиозности и пришли к выводу об отсутствии необходимости использовать пятое измерение — «последствия». Другая попытка снизить размерность религиозности на основании высокой корреляции между шкалами была предпринята Дж. Гиббсом и К. Крейдером [*Gibbs, Crader*]. Позднее Р. Клейтон и Дж. Глэйден, используя метод факторного анализа при изучении пяти шкал измерения религиозности Ч. Глока, пришли к выводу о том, что религиозность вообще является одномерным явлением [*Clayton, Gladden*].

Поворотным в дискуссии о размерности религиозности стал применяемый в практиках международных эмпирических исследований (ISSP, EVS, ESS, WVS) иерархический подход, разделяющий религиозность на два уровня: общую (диспозиционную) и частную (функциональную) [*Hill*]. Общая религиозность включает в себя поиск священного лишь в традиционном контексте, а частная религиозность подразумевает поиск священного вне зависимости от традиционного контекста. Регулярность проведения международных эмпирических исследований и свобода доступа к массивам получаемых ими данных обеспечили своеобразное доминирование иерархического подхода среди исследователей и сбавили накал дискуссии о различных способах концептуализации религиозности.

Вероятно, вследствие того, что не удалось эмпирически обосновать существование определенного набора осей, в совокупности дающих целостное представление о религиозности, и был совершен переход к иерархическому подходу к изучению данного явления, в рамках которого *целостное*

представление о религиозности уже не является основной целью анализа, а изучаются ее отдельные составляющие [Пруцкова].

Своеобразным постмодернистским многоточием в спорах о наиболее подходящей концептуализации религиозности стала работа П. Хилла и Р. Худа, обобщившая более ста шкал религиозности [Hill, Hood. *Measures*], [Hood, Spilka] и снявшая вопрос о «правильности» конкретной концептуализации, но актуализировавшая проблему операционализации религиозности.

Российская традиция¹

В советско-российской науке концептуальные споры о религиозности происходили существенно позднее, поэтому внимание в них акцентировалось на иных вопросах. Исследователи соглашались с тем, что религиозность является многогранным феноменом, хотя дискуссия о количестве осей измерения «религиозности» также поднималась [Бреская], споры сводились «к тому, какой признак (совокупность признаков) следует считать тем “рубиконом”, переход которого означает качественный скачок субъекта из состояния “вне религии” в религию» [Лебедев. *К проблеме*]. По данному вопросу в российском ученом сообществе сформировались два подхода, по-разному концептуализирующих феномен религиозности.

Представители «классического» подхода в качестве главного критерия религиозности выделяют «строгое соблюдение канонической чистоты и полноты православного образа действий и образа мысли», т. е. «практическое подтверждение религиозной позиции субъекта, выражающееся в регулярных культовых действиях» [Лебедев. *Религиозность: что считать*]. Сторонниками этого подхода являются такие исследователи как: Д. Е. Фурман, С. Б. Филатов, Р. Н. Лункин, Н. А. Митрохин, Л. М. Воронцова. Согласно данной точке зрения:

- 1) религиозность является интервальной переменной, и ее возможно измерить;
- 2) количество православных верующих в России мизерно, так как большинство лиц, идентифицирующих себя с православным вероучением: (а) не соблюдают регулярность религиозных прак-

1. Корректней употребить термин «русскоязычная» традиция, так как ниже излагаемые подходы своими корнями уходят в советскую религиовед-

ческую школу, а на современном этапе активно развиваются специалистами из Беларуси, Украины, России.

тик; б) не разделяют предусмотренные вероучением религиозные верования.

Сторонники второго «постклассического» подхода в качестве главного критерия религиозности выделяют самоидентификацию человека. Для приверженцев этой концептуальной модели, в числе которых такие исследователи как: В.Ф. Чеснокова, Ю.Ю. Синелина, З.И. Пейкова, Л.П. Ипатова, — самосознание и аффилирование себя с вероучением и исповедующей его группой является достаточным основанием для маркирования религиозности.

Никто не в праве ставить под сомнение ответ человека, признающего себя верующим, — поскольку вера, то есть отношения человека с Богом, это весьма сложный и деликатный феномен, проверить который невозможно современными научными средствами, — так и самоназвание «православный» приходится принимать как единственно компетентный ответ, потому что никто лучше респондента не может определить общее направление его веры. Говорить и спорить можно только о том, «хороший» или «плохой» он православный, то есть насколько глубоко он знает православную культуру, насколько его поведение соответствует установленным Православной Церковью каноническим правилам [Чеснокова. *Тесным путем*].

Даже «вопиющая религиозная безграмотность» «...не может служить основанием, чтобы отказывать людям в праве именовать себя православными, если они так себя определяют, поскольку эти люди на пути к целям, установленным Церковью (целям, которые они сами для себя обозначили, назвав себя православными), находятся в процессе духовного самосовершенствования» [Синелина. *О критериях*]. Согласно отстаиваемой представителями самоидентификационного направления позиции:

1) религиозность измерить невозможно, так как это бинарная переменная — религиозность либо есть, либо ее нет. По мнению В.Ф. Чесноковой, суть религиозности заключается в ее направленности, а не в религиозном поведении и знании учения, которые отображают лишь глубину и форму верования, но не само верование. Однако исследователи могут зафиксировать степень соответствия поведения верующего декларируемому религией образу жизни — «воцерковленность»;

2) в России православных верующих столько, сколько человек «а) признало, что верует в Бога; и б) самостоятельно отнесло себя к православным» [Чеснокова. *Число*].

Оба представленных подхода к концептуализации понятия религиозность имеют свои преимущества и недостатки. Так, главным недостатком позитивистски ориентированного «классического» подхода является увеличение числа формальных требований к верующему. Вероучение / Церковь требуют от верующего исполнения огромного количества действий, которые зачастую практически невозможно исполнить в современном мире². В связи с этим использование декламируемыми религиозными нормами шаблона идеального верующего, сформированного сотни лет назад, для определения религиозности современных верующих ведет к существенному занижению численности религиозных граждан.

Кроме того, подход оставляет обществоведы широкие возможности для манипулирования результатами исследования путем выбора критериев и их числа, так как определение количества конкретных требований, предъявляемых к верующему со стороны исследователя, зачастую носит произвольный характер или же обосновывается субъективными утверждениями, типа «удобства» и «разумности», которые могут употребляться для объяснения использования 5 критериев взамен 100, но не позволяют разъяснить, почему применяется 5 критериев, а не 6.

В случае православия это наиболее наглядно: поскольку исполнять все церковные требования под силу только святым, то, соответственно, все остальные члены Церкви вполне могут быть исключены из числа верующих [Лебедев. *Религиозность: в поисках*].

Еще одним минусом «классического» подхода является фактическое отождествление религиозности и религиозных практик. В логике данной концепции религиозность человека, не исполняющего религиозных обрядов, будет минимальной или же вообще нулевой. На наш взгляд, подобное упрощение некорректно, так как человек может быть сильно религиозным, но не производить никаких религиозных действий или же нерегулярно их совершать. Равно как человек может систематически осуществлять некоторые религиозные действия, не придавая им религиозного смысла, совершая их ввиду общественного давления или политического интереса. Так, «Л. Н. Ульянов, исследуя религиозность

2. К примеру, правила апостольской общины предписывали не считать христианином человека, не посетившего подряд три воскресные литургии.

Невозможность использования таких жестких правил в современном мире признают даже клерикалы. См.: [Социологи о Церкви].

в Заметчинском районе Пензенской области в конце 1960-х годов, показал, что среди мотивов посещения церкви жителями этого района значительное, хотя и не преобладающее, место занимают нерелигиозные мотивы. 9,4 % посещающих церковь заявили, что они делают это, так как любят церковное пение, 3,4 % — из-за приверженности к общей традиции (“потому что многие ходят”), 2,5 % — с целью любования иконами и росписью как произведениями искусства, 1,4 % — для встреч со знакомыми, 0,9 % — из любопытства [Ульянов, 219–221]. Если же проанализировать данные Л. Н. Ульянова о мотивах обряда крещения в том же районе, то роль нерелигиозных мотивов станет еще более очевидной. Например, среди лиц, причисливших себя к верующим, 37,9 % участвовали в обряде крещения, следуя сложившимся традициям» [Угринович. Психология].

«Постклассический» религиозно-ориентированный подход к концептуализации религиозности также имеет недостатки. С одной стороны, данный подход меняет реальное на желаемое: «считать себя кем-либо и быть кем-либо — это две необязательно совпадающие реальности» [Костылев], человек, идентифицирующий себя как эльф, от этого не становится эльфом.

С другой стороны, использование воцерковленности как индикатора степени соответствия поведения верующего декларируемому религией образу жизни в некотором роде множит сущности, полностью не проясняя связи между ними. Так, не совсем понятно, в какой степени религиозность соотносится с воцерковленностью (и соотносится ли вообще)? Можно ли считать воцерковленность следствием или проекцией религиозности? Насколько корректно использовать термин «воцерковленность»? Могут ли быть носителями религиозности лица, не верующие в Бога и идентифицирующие себя как атеисты? Также возникает вопрос о том, кем считать граждан, не верящих в Бога (или сомневающихся в нем, или верящих в высшую силу), но самоопределяющих себя как православные верующие — можно ли их считать религиозными, православными?

Попытку интеграции двух подходов предпринял С. Д. Лебедев, разработавший системно-динамическую концепцию религиозности. С точки зрения исследователя, «социологически релевантным критерием религиозности человека является религиозная культура, укоренившаяся в его сознании и имеющая существенное реальное либо потенциальное влияние на его образ мыслей и образ жизни. В своем развитом виде эта культура

проявляется в форме, которая в традиционном христианстве обозначается термином “воцерковленность”. В субминимальном (необходимом и достаточном. — М.Б.) виде она выражается в терминальном (смысложизненном. — М.Б.) характере ценности религиозной веры, сочетающемся с положительной религиозной и конфессиональной самоидентификацией. В случае такого сочетания высока вероятность того, что в сознании человека (группы) сложилось системное ядро религиозной культуры, тяготеющее к созданию в нем религиозной доминанты, способной трансформировать исходный светский культурный паттерн под своим определяющим влиянием» [Лебедев. *Религиозность: в поисках*]. Иными словами, исследователь предложил считать критериями неразвитой (латентной) религиозности «наличие в сознании человека (группы) следующих трех признаков: 1) терминального характера ценности религиозной веры; 2) положительной самоидентификации субъекта в отношении религии; 3) положительной самоидентификации субъекта в отношении какой-либо конкретной конфессии» [Лебедев. *Религиозность: что считать*].

Данный подход был подвергнут критике в работе С. В. Рязановой и А. В. Михалевой:

Хочется отметить, что предложенный выход из ситуации разногласий в методологии религиоведения на самом деле не является выходом как таковым. Процесс усвоения религиозной культуры тоже требует некой шкалы для замера. Большей частью при этом приходится опираться на внешние признаки, которые, как отмечалось выше, не могут служить исчерпывающим аргументом в пользу искренней религиозности субъекта. Уровень развития самой культуры тоже не свидетельствует о наличии в ней определенной доли религиозного компонента [Рязанова, Михалева].

Однако массового распространения среди исследователей религии концепт С. Д. Лебедева не получил.

Гибридизация западного и отечественного подходов к концептуализации религиозности

Рассогласованность академического сообщества по поводу использования конкретной концептуализации религиозности приводит к помутнению понятийного аппарата и к ухудшению навигации на просторах научных работ. Зачастую при прочте-

нии статьи, написанной даже специалистом в сфере социологии религии, невозможно понять, что именно автор, не удосужившийся конкретизировать свое видение, подразумевает под «религиозностью». Что уж говорить об околonaучных кругах, периодически оперирующих фразами типа «религиозность выросла», «определить степень религиозности», «кризис религиозности» и т. п., но всячески избегающих вопроса о том, что такое эта «религиозность»? При анализе работ исследователей не менее затруднительны и иные моменты, в частности, как автор измеряет религиозность — через субъективные самоидентификационные оценки и /или через шкалы религиозной активности (религиозные практики), и почему именно эти конкретные переменные маркируются им в качестве главных показателей религиозности?

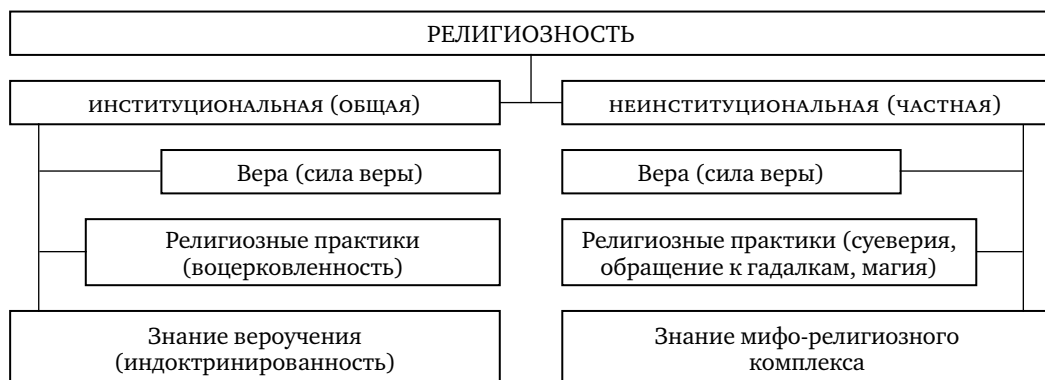
С целью упрощения сложившейся ситуации в данной работе была предпринята попытка объединить отечественную и западную академические ветви концептуализации религиозности и сконструировать новую модель, разграничивающую различные элементы религиозности. Сформулированная концепция не подразумевает применения радикальных мер, в частности отказа от использования понятия «религиозность» в исследованиях, а предлагает, руководствуясь советом М.Ю. Смирнова, «перейти на уровень тех явлений, которые поддаются описанию и осмыслению» [*Социальная теория*]. Полученный в результате гибридный представляет собой сочетание иерархического подхода с постклассическим.

Для упрощения восприятия концептуальная модель будет раскрыта лишь на одной религиозной группе, представители которой наиболее часто становятся объектом изучения российских социологов религии, — православных верующих.

Содержательно гибридный концепт религиозности, применяемый к затрагиваемой в данной работе проблеме, характеризуется следующими положениями:

- 1) Религиозность является бинарной переменной и не подлежит измерению.
- 2) Религиозность необходимо подразделять на общую (институциональную) и частную (неинституциональную /персональную). Институциональная религиозность в рамках исследуемой проблемы представляет собой поиск священного [*Отто*] в рамках, формируемых православным вероучением под руководством

Таблица 1. Религиозность и ее оси

РПЦ. Неинституциональная религиозность проявляется в поиске священного вне четко сформулированного вероучения³.

3) В рамках институциональной и неинституциональной религиозностей можно выделить различные составляющие (оси), по которым можно дифференцировать верующих. Наиболее употребляемые оси: религиозные практики, степень (сила, глубина) веры и степень знания вероучения. Применительно к институциональной религиозности эти измерения именуются как воцерковленность (церковнопосещаемость), степень (сила, глубина) веры и индоктринированность⁴.

3. Для обозначения этого феномена исследователи используют различные наименования: «вера без церковной принадлежности» (*believing without belonging*), «заместительная религия» (*vicarious religion*) (Г. Дэйви), «культурная религия», «коллективная память» (Д. Эрвье-Леже), «диффузная религия» (Р. Чиприани), имплицитная религия (Е. Бэйли, А. Нэсти), «сценарная религия» (*scenario religion*) (Ф. Гарелли), «неопределенная религиозность» (*fuzzy fidelity*) (Д. Воас), «светское христианство» (Д. Воас, А. Дэй), «духовная революция» (П. Хилас, Л. Вудхед), «духовный поворот» (Д. Хутман, С. Оперс), приватизированная религия (*private religion*) (Т. Лукман), внецерковная религиозность (*outside the church religiosity*) (Л. Хелман, О. Риис).

В содержательном плане неинституциональная религиозность означает принятие метафизики высшей силы (Бога) и следование определенному набору норм, сочетающееся с отказом от исполнения ритуальных практик, принятых в каком-либо

сложившемся (институционализированном) вероучении. При этом представления индивида о высшей силе (Боге) могут также не соотноситься с принятыми в оформленных религиях конвенциями по данному вопросу. Зачастую верующий человек составляет собственный религиозный бриколаж, конструируя свое представление о высшей силе и должном поведении, перенимая элементы из различных уже существующих вероучений или же создавая их с нуля.

4. Также необходимо отметить, что индивид может сочетать элементы институциональной и неинституциональной религиозностей. В частности, актер, воспринимающий себя как православный верующий РПЦ МП, может присовокуплять к конвенциональному набору представлений о высшей силе дополнительные элементы собственного сочинения, а кроме регулярного посещения служб и осуществления православных религиозных таинств совершать магические практики и ритуалы.

4) Главный элемент для маркирования человека как носителя институциональной религиозности — его самоотождествление с группой православных верующих. Иными словами, носителями религиозности считаются все лица, заявившие об определении себя как последователя православного учения. При этом религиозно-положительные лица могут характеризоваться нулевыми показателями степени веры, воцерковленности и индоктринированности.

5) Лица, не идентифицирующие себя с какой-либо религиозной группой и осуществляющие поиск священного вне какого-либо институционально закрепленного подхода, также являются носителями религиозности.

Таким образом, при изучении верующих (религиозно-положительных акторов) следует говорить не о религиозности в целом, а лишь о конкретных составляющих (осях) неинституциональной и институциональной религиозности. Иными словами, утверждения типа «гражданин А более религиозен, нежели гражданин Б» представляются в рамках гибридной концепции религиозности некорректными, в плане религиозности — все граждане, идентифицирующие себя как православные верующие, считаются одинаковыми. Дифференцировать верующих в данном случае возможно лишь по конкретным элементам религиозности — *глубине веры, воцерковленности, индоктринированности* и т. п. (список можно и нужно продолжать).

Глубина (сила, степень) веры (духовность) [Руткевич] — это степень проникновения религиозных убеждений в сознание человека; важность веры в высшую силу и споспешествующие ей явления⁵; убежденность в том, что сверхъестественные силы могут повлиять на жизнь человека. Данное измерение может операционализироваться через такие вопросы, как: насколько вы рели-

5. В рамках институциональной религиозности, в частности православного вероучения, должна быть законченность религиозного комплекса — глубоко верующий человек должен верить не только в Бога, но и в явления, дополняющие представления о нем, в частности рай и ад, жизнь после смерти и т. п. Вера лишь в некоторые элементы религиозного комплекса, споспешествующего православному мировоззрению, равно как и вера в неправославные религиозно-мифологические элементы (в частности — астрологию, переселение душ) характеризуют невысокие показатели глубины веры в рамках институциональной религиозности. Вместе с тем вера в спиритуализм характеризует глубину веры

в рамках неинституциональной религиозности человека.

При этом сравнение показателей глубины веры между представителями различных религиозно-мировоззренческих комплексов, по меньшей мере, затруднительно, так как набор характеристик, демонстрирующих глубину веры, у всех групп различен. Более того, невозможным оказывается даже сравнение глубины веры одного человека в рамках институциональной и неинституциональной религиозностей, ибо для православного высокая степень глубины веры включает один набор характеристик и убеждений, а у носителя неинституциональной религиозности этот набор представлений совсем иной.

гиозны? насколько для вас важна религия? верите ли вы в рай и ад, жизнь после смерти и т. п.?

Индоктринированность — степень знания вероучения (его основ). Проявляется в знании основных религиозных догматов, содержания Священного Писания и Священного Предания, истории Церкви, частотности их изучения.

Воцерковленность — степень соответствия верующего образцам поведения, требуемым Церковью от идеального верующего; степень соблюдения официальной церковной нормы поведения (поведения, но не мышления). Фактически воцерковленность операционализируется через частотность совершения религиозных практик, в частности посещения религиозных служб / храмов, совершения молитв, чтения священных текстов и т. п.

Важно отметить, что используемые оси институциональной религиозности в значительной степени автономны [*Glock, Stark. American Piety*]. Так, наличие высоких показателей глубины веры не означает наличие высоких показателей воцерковленности и индоктринированности, равно как высокий уровень воцерковленности не всегда сопряжен с высокой степенью глубины веры и индоктринированности.

Дифференциация лиц, идентифицирующих себя как православных верующих, в соответствии с различными показателями по трем осям может быть представлена в матричном виде. Для этого была составлена упрощенная типология идеальных типов с допущением, что все три оси могут принимать только два значения — минимальное и максимальное. В результате получилось $2^3=8$ типов православных верующих. В действительности показатели используемых измерений институциональной религиозности принимают большее количество значений (что существенно усложняет модель), однако в данном случае доскональное описание не требуется.

Заключение

Использование гибридной концептуализации религиозности позволяет структурировать различные интерпретации данного явления и минимизировать употребление термина «религиозность» применительно к различным компонентам этого феномена. Маркирование религиозности как неизмеряемой бинарной переменной и обращение к ее конкретным осям предохраняют термин от размывания и уменьшают понятийную сумятицу.

Таблица 2. Дифференциация лиц, идентифицирующих себя как православных верующих

Примеры-описания	Показатель			Расшифровка
	«Глубина веры»	«Религиозные практики»	«Знание веры»	
Идеальный верующий	Высшая степень	Воцерковленный	Индоктринированный	Верит в Бога, часто ходит в церковь, знает учение
Практикующий православный верующий	Высшая степень	Воцерковленный	Неиндоктринированный	Верит в Бога, часто ходит в церковь, не знает учение
Верующий, знающий учение, но не посещающий церковь (не доверяющий Церкви верующий)	Высшая степень	Невоцерковленный	Индоктринированный	Верит в Бога, не ходит в церковь, знает учение
Православный обыватель	Высшая степень	Невоцерковленный	Неиндоктринированный	Верит в Бога, не ходит в церковь, не знает учение
Муж-атеист, преподающий социологию религии и теологию, который ходит в церковь за компанию с женой-верующей	Низшая степень	Воцерковленный	Индоктринированный	Не верит в Бога, часто ходит в церковь, знает учение
Муж-атеист, который ходит в церковь за компанию с женой-верующей	Низшая степень	Воцерковленный	Неиндоктринированный	Не верит в Бога, часто ходит в церковь, не знает учение
Профессор-атеист, преподающий социологию религии или теологию	Низшая степень	Невоцерковленный	Индоктринированный	Не верит в Бога, не ходит в церковь, знает учение
Номинальный православный	Низшая степень	Невоцерковленный	Неиндоктринированный	Не верит в Бога, не ходит в церковь, не знает учение

Фактически исследовательский фокус переносится с определения того, что есть пресловутая «религиозность», на то, что собой представляют возможные элементы этой религиозности. Понять, что есть целое, предлагается через поэтапное изучение элементов, в той или иной степени имеющих отношение к нему, а не через безосновательное создание абстрактного изображения целого. Метафорически религиозность можно представить в виде

мозаики, состоящей из множества фрагментов. Составить целостное представление об изображении, запечатленном на картинке, возможно, только собрав эту картинку (коробки с изображением конечного продукта ученые не имеют, а додумывание искомой картинки чревато заведомо ложными представлениями). Для того чтобы построить одну большую картинку, сначала необходимо собрать пазлы по мини-группам, тем самым получив изображение отдельных кусков итогового панно, и только после этого пытаться сводить их в единое целое. Не исключено, что в груде пазлов, лежащих перед исследователями, имеются элементы и из других мозаик, но окончательно определить это станет возможно только после выстраивания и сопоставления мини-картинок.

Вместе с тем употребление гибридной модели религиозности актуализирует проблемное поле операционализации различных осей институциональной и неинституциональной религиозностей, что может подтолкнуть академическое сообщество к продуктивной работе в недостаточно исследованной области. Однако, нужно ли это сообществу?..

Литература

1. Бергер = Бергер П. Л. Религиозный опыт и традиция // Религия и общество : Хрестоматия по социологии религии / Сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 339–364.
2. Бреская = Бреская О. Ю. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 77–87.
3. Государственно-церковные = Государственно-церковные отношения в России : Опыт прошлого и современное состояние / Отв. ред. Ф. Г. Овсиенко, М. И. Одинцов, Н. А. Трофимчук. М. : Изд-во РАГС, 1996. 252 с.
4. Костылев = Костылев П. Н. К критике базовых понятий социологии религии: «религиозность». URL: <http://religious-life.ru/2014/10/kostylev-k-kritike-bazovyih-ponyatiy-sotsiologii-religii-religioznost/> (дата обращения: 04.01.2015).
5. Лебедев. К проблеме = Лебедев С. Д. К проблеме социологических критериев религиозности. URL: <http://www.rusoir.ru/news/23-09-2005-2.html> (дата обращения: 04.01.2014).
6. Лебедев. Религиозность: в поисках = Лебедев С. Д. Религиозность: в поисках «Рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153–169. URL: http://socionavtika.narod.ru/Staty/diegesis/lebedew_rubikon.htm (дата обращения: 04.01.2014).

7. *Лебедев. Религиозность: что считать* = Лебедев С. Д. Религиозность: что считать критерием? URL: http://www.religare.ru/2_35080.html (дата обращения: 04.01.2014).
8. *Отто* = Отто Р. Священное : Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. 269 с.
9. *Пруцкова* = Пруцкова Е. В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 268–293. URL: <http://religion.rane.ru/sites/default/files/%E2%84%96%202-2012.pdf> (дата обращения: 04.01.2014).
10. *Руткевич* = Руткевич Е. Д. «Социология духовности»: проблемы становления // Вестник Института социологии РАН. 2014. № 2 (9). С. 36–65. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_9/Rutkevich.pdf (дата обращения: 04.01.2015).
11. *Рязанова, Михалева* = Рязанова С. В., Михалева А. В. Феномен женской религиозности в постсоветском обществе (региональный срез) : Монография. Пермь : Изд-во Пермского гос. нац. ун-та, 2011. 255 с. URL: <https://www.academia.edu> (дата обращения: 04.01.2014).
12. *Синелина* = Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 89–96. URL: http://www.isras.ru/socis_2001_07.html?&printmode (дата обращения: 03.01.2014).
13. *Смирнов. Возможно* = Смирнов М. Ю. Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 2. С. 145–153. URL: <http://religiourn.ru/nauka/post-227/> (дата обращения: 04.01.16).
14. *Смирнов. О религиоведении* = Смирнов М. Ю. О религиоведении, религии и религиозности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 9. Вып. 2. СПб. : Изд-во РХГА, 2008. С. 62–73. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-religiovedenii-religii-i-religioznosti> (дата обращения: 03.01.2014).
15. *Социальная теория* = Социальная теория и религия: вызовы XXI века — репортаж с научного семинара по социологии религии. URL: <http://sreda.org/ru/2015/sotsialnaya-teoriya-i-religiya-vyizovy-xxi-veka-reportazh-s-nauchnogo-seminara-po-sotsiologii-religii-foto/215744> (дата обращения: 04.01.2015).
16. *Социологи о Церкви* = Социологи о Церкви: стоит ли верить цифрам? : [Интервью с деканом факультета социальных наук ПСТГУ]. URL: <http://www.nsad.ru/articles/sociologi-o-cerkvi-stoit-li-verit-cifram> (дата обращения: 04.01.2014).

17. *Угринович. Психология* = Угринович Д. М. Психология религии. М. : Политиздат, 1986. URL: <http://www.religions.am/files/2470/library/religious/R046.pdf> (дата обращения: 04.01.2014).
18. *Угринович. Введение* = Угринович Д. М. Введение в религиоведение. 2 изд., доп. М. : Мысль, 1985. 273 с.
19. *Ульянов* = Ульянов Л. Н. Опыт исследования мотивации религиозного поведения : На материалах социологического исследования в Земетчинском районе Пензенской области // Вопросы научного атеизма. М. : Мысль, 1971. Вып. 11. С. 219–221.
20. *Фолкнер, де Йонг* = Фолкнер Д., де Йонг Г. Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 69–76.
21. *Чеснокова. Тесным путем* = Чеснокова В. Ф. Тесным путем : Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Академический проект, 2005. URL: http://krotov.info/history/20/1990/chesnokova_00.htm (дата обращения: 03.01.2014).
22. *Чеснокова. Число* = Чеснокова В. Ф. Число православных в России увеличивается. URL: <http://club.fom.ru/article.php?id=10> (дата обращения: 03.01.2014).
23. *Яблоков* = Яблоков И. Н. Религиоведение : Учебное пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению. М. : Гардарики, 2000. URL: <http://www.alleng.ru/d/relig/relig021.htm> (дата обращения: 04.01.2014).
24. *Allport. Religion* = Allport G. W. Religion and Prejudice // The Nature of Prejudice. Cambridge, MA : Addison-Wesley Pub. Co., 1954. P. 444–459.
25. *Batson, Schoenrade* = Batson C. D., Schoenrade P. A. Measuring Religion as Quest: 1) Validity Concerns // Journal for the Scientific Study of Religion. 1991. Vol. 30. No. 4. P. 416–429.
26. *Clayton, Gladden* = Clayton R. R., Gladden J. W. The Five Dimensions of Religiosity : Toward Demythologizing a Sacred Artifact // Journal of the Scientific Study of Religion. 1974. Vol. 13. No. 2. P. 135–143.
27. *Dimensions* = Dimensions of Religiosity : CAPS-relig4 and CAPS-relig1 module. Version 1. Chapel Hill, NC : Odum Institute, 1988. URL: <http://hdl.handle.net/1902.29/CAPS-RELIG4> (дата обращения: 29.09.2015).
28. *Faulkner, de Jong* = Faulkner J., de Jong G. Religiosity in 5-D : An empirical analysis // Social Forces. 1966. V. 45. P. 246–254.
29. *Fukuyama* = Fukuyama Y. The Major Dimensions of Church Membership // Review of Religious Research. 1961. Vol. 2. No. 4. P. 154–161.
30. *Gibbs, Crader* = Gibbs J. O., Crader K. W. A Criticism of Two Recent Attempts to Scale Glock and Stark's Dimensions of Religiosity : A Research Note // Sociological Analysis. 1970. Vol. 31. No. 2. P. 107–114.

31. *Glock, Stark. American Piety* = Glock C. Y., Stark R. *American Piety : The Nature of Religious Commitment*. Berkeley : University of California Press, 1968. 224 p.
32. *Glock, Stark. Religion* = Glock C. Y., Stark R. *Religion as a Social Phenomenon // Religion and Society in Tension*. Chicago : Rand McNally & Company, 1965. P. 1–66.
33. *Glock. On the Study* = Glock Ch. Y. *On the Study of Religious Commitment // Religious Education : Research Supplement*. 1962. Vol. 42. P. 98–110.
34. *Hill* = Hill P. C. *Measurement in the psychology of religion and spirituality // Handbook of the psychology of religion and spirituality / Ed. R. F. Paloutzian, C. L. Park*. New York, London : Guilford Press, 2005. P. 43–61.
35. *Hill, Hood. Measures* = Hill P. C., Hood R. W. Jr. *Measures of Religiosity*. Birmingham, AL : Religious Education Press, 1999. 531 p.
36. *Hood, Spilka* = Hood R. W., Hill P. C., Spilka B. *The Psychology of Religion : An Empirical Approach*. 4 ed. New York : The Guilford Press, 2009. 636 c.
37. *King, Hunt* = King M. B., Hunt R. A. *Measuring the Religious Variable : National Replication // Journal for the Scientific Study of Religion*. 1975. Vol. 14. No. 1. P. 19–21.

M. I. Bogachyov

On the Formation of an Integrated Approach to the Conceptualization of Religiousness

The article considers the issue of defining the content of the term religiousness. Reviewing the Western and Russian approaches to the conceptualization of religiousness, the author suggests a compromise option of combining the hierarchical approach with the post-classical one.

KEYWORDS: religiousness, sociology of religion, Russian society, conceptualization.